

Т. Н. Попова

**К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ
ИСТОРИИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РУСИСТИКА В
НОВОРОССИЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

«Модель дисциплинарности»⁹⁹ - одно из «измерений», в границах которого может быть описана история «исторического профессионализма». Дисциплинарная история и история профессии по-прежнему остаются «подвижной» и не вполне «отрефлексированной» предметной областью¹⁰⁰. Несмотря на то что последние десять-

⁹⁹ Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М., 2011. – С. 390.

¹⁰⁰ Медушевская О. М. Источниковедение и историография в пространстве гуманитарного знания: индикатор системных изменений // Источниковедение и историография в системе гуманитарного знания : доклады и тезисы XIV научной конференции (Москва, 18–19 апр. 2002 г.) / отв. ред. В. А. Муравьев. – М., 2002. – С. 20–26.

пятнадцать лет дали разноплановую картину подходов к разработке дисциплинарной истории в украинской историографии¹⁰¹, акцентуализация вопроса о необходимости изучения дисциплинарного ландшафта исторической науки выдвигает эту проблему в качестве одного из приоритетных направлений современных исследований¹⁰².

Если рассматривать научную дисциплину как организационную единицу научного знания, то следует говорить о дисциплинарной структуре науки, которая, по мнению большинства исследователей, сложилась в европейской культурно-научной традиции на протяжении XVII-XIX вв. Наука XIX в., имея основным организационным центром

своего существования университет, формировалась в границах определенной социальной матрицы - системы образования, выступая как «университетская наука». При такой организации на первый план выдвигалась «дидактическая ипостась» науки - «научение». Собственно научно-исследовательская работа - «исследовательская ипостась» науки - была опосредована процессом преподавания и выступала в качестве его эпифеномена. К концу XIX в. «по дисциплинам» была организована вся наука; дисциплинарный принцип соблюдался и в процессе углубляющейся специализации научного знания, и в институциональных формах.

Сегодня в научном мире насчитывают от 1,5 до 15 тысяч научных дисциплин. Столь очевидная разбежность в цифрах свидетельствует об отсутствии универсально-признанных параметров научной дисциплины и о наличии множества классификационных схем науки. Исходя из комплексно-параметрической модели науки, можно предложить следующую версию «научной дисциплины».

Научная дисциплина - это определенная форма организации научных исследований, соответствующая конкретному уровню развития научного знания и научной деятельности, на котором отдельная научная область складывается в социокогнитивную систему, вписанную в определенный социокультурный контекст и характеризующуюся следующими параметрами: 1) оформлением научного сообщества специалистов в данной области знаний, идентифицирующих себя со своей дисциплиной; 2) складыванием в научном сообществе конвенциональных основ в понимании содержания своей научной специализированной деятельности и выработкой общепризнанных канонов научных исследований (парадигмы), дисциплинарно-научных идеалов и норм; 3) формированием «объема» дисциплинарного знания, имеющего подвижные контуры в связи с перманентным пересмотром так называемого «объективно-истинного» знания, откладываемого в «дисциплинарную копилку»; 4) появлением рефлексивного уровня дисциплинарного знания - истории и теории, дисциплинарной истории самой научной дисциплины; 5) обретением так называемого «гражданского статуса» - утверждением «имени» данной научной дисциплины и ее признанием как относительно автономного профессионального образования членами научного сообщества, культурными и политико-идеологическими структурами конкретного социума, устанавливающими собственные отношения с данной дисциплиной; 6) формированием системы специализированных научных учреждений со своей идеологией и этосом;

¹⁰¹ См.: Специальные исторические дисциплины / под ред. М. Дмитриенко и В. Замлинского. - К., 1992; Заремба С. З. Українське пам'яткознавство: Історія, теорія, сучасність : автореф. дис. ... докт. іст. наук. - Київ, 1996; Чижко В. С. Біографістика як галузь історичної науки: історіографія та методологія : автореф. дис. ... докт. іст. наук. - Київ, 1997; Колесник І. І. Українська історіографія. XVIII - початок XX століття. - Київ, 2000; Матяш І. Архівна наука і освіта в Україні 1920-1930-х років. - Київ, 2000; Журба О. І. Становлення української археографії: люди, ідеї, інституції. - Дніпропетровськ, 2003; Українська фалеристика. З історії нагородної спадщини : у двох книгах. - Київ, 2004. - Книга перша; Стельмах С. Історична наука в Україні епохи класичного історизму. XIX - початок XX століття. - Київ, 2005; Старовойтенко І. Просопографія: підходи до трактування змісту наукової дисципліни в історіографії // Спеціальні історичні дисципліни: питання історії та методик. - Число 13. - Ч. 1. - К., 2006; Богдашина О. М. Джерелознавство історії України: теорія, методика, історія. - Х., 2005; Калакура Я. Історичні засади українознавства. - К., 2007; Верменич Я. В. Суб'єктивні межі й об'єктивні можливості історичного краєзнавства: деякі міркування щодо шляхів осмислення місцевої історії // Український історичний журнал. - 2008. - № 2 і др.

¹⁰² См.: Попова Т. Н. Об институционализации историографии // Исторична наука на порозі XXI століття: підсумки та перспективи : матеріали Всеукраїнської наукової конференції (м. Харків, 15-17 листопада 1995 р.). - Харків, 1995. - С. 77-82; Она же. Проблема формирования историографии как научной дисциплины: традиционные подходы и новые модели // Записки исторического факультета. - Вып. 1: Историография и специальные исторические дисциплины. - Одесса, 1995. - С. 3-45; Она же. Об институционализации историографии // Проблеми історії та методології історичної науки : Харківський історіографічний збірник (Матеріали наукового семінару «Категоріальний апарат і методи сучасної історичної науки»: III Астаховські читання, Харків, 29-30 травня 1997 р.). - Вип. 3. - Харків, 1998 - С. 5-14; Удод О. А. Дисциплінарна структура української історичної науки: академічні та дидактич-нівиміри // Микола Павлович Ковальський. Ad gloriam... Ad honores... Ad memorandum... / заред. Г. К. Швидько. - Дніпропетровськ, 2007. - С. 129-142.

7) возникновением системы профессионального специализированного образования, в которой закрепляется «учебный лик» данной научной дисциплины, создаются нормативные компендиумы, осуществляется передача традиций в процессе подготовки новых поколений специалистов-профессионалов; 8) складыванием специализированной информационной системы (библиотечные каталоги, информационные издания, для современного периода - тематические сайты в Интернете и др.); 9) созданием коммуникационной системы - форм научного общения: конференций и проч.; специализированных изданий, в том числе научной периодики и др.; 10) способностью научного сообщества данной дисциплины вырабатывать стратегии по поддержанию своего профессионального статуса.

Каждая научная дисциплина, как сложная система, обладает специальными механизмами самоорганизации и складывается под воздействием разнообразных факторов интеллектуального и социокультурного характера, в результате чего процесс дисциплинизации приобретает собственный, неповторимый облик - «персональный маршрут» (П. Бурдые). Дисциплинарная история предполагает анализ процесса дисциплинизации - формирования «составляющих» научной дисциплины и их трансформацию в единый социокогнитивный комплекс, последующее дисциплинарное развитие с учетом специфики «фактора институционализации» - степени когерентности когнитивных и социальных параметров (Р. Уитли).

Среди классификационных схем исторических дисциплин можно предложить следующую схему: деление всех дисциплин исторического профиля на два блока. Первый блок представлен так называемыми общеисторическими дисциплинами, основным критерием выделения каждой из них является регионально-хронологический подход: история древнего мира, история средних веков, нового и новейшего времени; история античности, история Украины, России, Европы и др.; история стран Европы и Америки нового времени и т.п. Многие из этих дисциплин получили новое имя: антиковедение, медиевистика, новистика и т.п. Второй блок включает специальные исторические дисциплины, которые можно разделить на три группы, учитывая специфику каждой из этих групп: 1) рефлексивные дисциплины, объектом которых выступает сама историческая наука и историческое познание: теоретическое источниковедение, историография, методология истории, биографистика; 2) дисциплины источниковедческого профиля, объектом которых является определенный вид исторического источника: нумизматика, геральдика, бонистика, сфрагистика, фалеристика и пр.; 3) дисциплины, изучающие

конкретный фрагмент исторической реальности: историческое краеведение, генеалогия и пр.

«История России» как общеисторическая дисциплина в последние годы все чаще именуется «исторической русистикой» или «историческим россиеведением» (аналог - «историческая украинистика», «историчне українознавство» и т.п.).

Традиционно практических во всех странах Европы процесс институционализации «отечественной истории» опережал процесс институционализации так называемой «всемирной («всеобщей») истории» с ее составляющими. Истоки этого явления - в изменении геополитической ситуации в Европе к концу XV в., когда и на «западе», и на «востоке» сложились централизованные государства, что вызвало необходимость идеологического обоснования возникновения новых политико-культурных образований. С XVI в. при монархических дворах Европы появляется должность официального историографа. Лица, занимающие ее (известные писатели и ученые), были призваны создать национальную историю своей страны. Официальная отечественная история по сложившейся традиции выражала политико-идеологическую доктрину государства и содержала парадные мифологемы.

В XVIII в. в европейских странах утверждается термин «историография» как аналог самой исторической науки. В начале XIX в. на волне расцвета «романтической историографии» с ее пристальным вниманием к проблемам самобытности отдельных народов появляются профессиональные национальные истории. В Российской империи в XVIII - начале XIX в. сформировалась традиция создания «эпических форм» истории страны (В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов, И. Н. Болтин, Н. М. Карамзин).

Одним из ведущих параметров дисциплинизации является формирование организационных основ научной дисциплины, системы научных учреждений, в составе которой в первую очередь - университеты как высшие научно-образовательные центры, а в их структуре - такие институциональные формы, как факультеты и кафедры. В университетах Российской империи название кафедры, представлявшей «отечественную историю», изменялось по мере развития исторической науки и потребностей исторического образования, а также в силу политико-идеологических стратегий.

В Московском университете с 1755 г. существовала кафедра «История универсальная и российская, также древности и геральдика». По Уставу 1804 г. произошло разделение этой кафедры на кафедру

«Всемирная история, статистика и география» и кафедру «История, статистика и география Российского государства». Устав 1835 г. отразил не только углубляющуюся специализацию научного поля на первом отделении философского факультета были созданы кафедры «Всеобщая история» и «Российская история», - но и стремление власти акцентуализировать идеологическую составляющую национальной истории. В соответствии с официальной доктриной единства «православия, самодержавия и народности», российская история была призвана стать «...охранительницей и блюстительницей общественного спокойствия»¹⁰³.

В 1850 г. в российских университетах вместо упраздненного философского был создан историко-филологический факультет, на котором кафедра отечественной истории по Уставу 1863 г. получила название «Русская история», а по Уставу 1884 г. - «История русская». Значение этой кафедры в общей структуре университетов можно проследить даже по формальным признакам: в «Отчетах» и «Обзрениях» - основных формах университетской делопроизводительной документации - данные о деятельности кафедр всегда начинались с кафедры русской истории; ординарный профессор этой кафедры (в современном варианте - заведующий) автоматически замещал ректора университета в случае его отсутствия.

В императорских университетах Российской империи, несмотря на стремление власти идеологизировать национальную историю, профессиональная отечественная историография на протяжении XIX - начала XX в. была представлена отнюдь не однородным научным сообществом историков-русистов, исследования которых способствовали созданию многослойного поля научных традиций.

Процесс дисциплинизации исторической русистики - формирование ее когнитивных параметров, инфраструктуры и социокультурных коммуникаций¹⁰⁴ - имел общие линии развития в границах университетского ареала. Вместе с тем региональные университетские сообщества русистов представляли собой достаточно самобытные явления.

Дисциплинарное сообщество, являясь одним из видов научного, шире - интеллектуального сообщества, выступает как ведущий маркер дисциплинизации.

¹⁰³ Погодин М. П. Историко-критические отрывки. - М., 1846. - С. 16.

¹⁰⁴ См. подробнее: Попова Т. Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. - Одесса, 2007.

В современной, преимущественно региональной, литературе уже наметилась тенденция к изучению формирования и деятельности дисциплинарных сообществ историков в Новороссийском университете. Естественно, что первые подступы к исследованию этой темы представлены конкретно-аспектными подходами: в первую очередь персонологическим (изучение отдельных представителей тех или иных дисциплинарных сообществ); дидактическим (становление «учебного лика» дисциплины - преподавание конкретных курсов в университете); институциональным (деятельность специализированных кафедр); проблемно-дисциплинарным (история изучения конкретной проблемы представителями дисциплины-специальности) и проч.¹⁰⁵

¹⁰⁵ См.: Першина З. В. Історія України в працях одеських дослідників // Український історичний журнал. - 1994. - № 6 ; Радиховська О. О., Избаш Т. О., Березін С. С. Традиції антикознавства та медієвістики в Новоросійському - Одеському університеті: кафедра історії стародавнього світу та середніх віків // Записки історичного факультету / Одеський національний університет імені І. І. Мечникова. - Вип. 16: Присвячується 140-й річниці Одеського національного університету імені І. І. Мечникова. - Одеса, 2005 ; Дьомін О. Б. Вивчення історії революцій XVI-XVIII століть в Одеському університеті // Там же ; Гребцова І. С. Викладання російської історії в Новоросійському університеті // Там же ; Горчакова О. А. Розвиток психолого-педагогічних наук на історико-філологічному факультеті Новоросійського університету // Там же ; Хмарський В. М. Кафедра історії України Одеського університету: чому і як було відновлено у середині 50-х рр. XX ст. // Там же. - Вип. 19 ; Руденко А. В. Російська історіографія у науковій спадщині А. В. Флоровського: празький період // Весвітня історія та актуальні проблеми міжнародних відносин : статті та матеріали II міжнародної науково-практичної конференції, присвяченої пам'яті професора Г. Л. Бондаревського (1920-2003 рр.). - Луганськ, 2011 ; Попова Т. Н. Научное сообщество историографов в Новороссийском университете (теоретический аспект) // Лукомор'я: Археологія, етнологія, історія північно-західного Причорномор'я. - Вип. 2. - Одеса, 2008; Она же. Историографический ретроспект: к вопросу о становлении дисциплинарного статуса истории Украины в Новороссийском университете // Проблемы славяноведения : сб. научн. статей и материалов. - Вип. 1. - Брянск, 2000 ; Она же. Из истории Новороссийского университета: Е. П. Трифильев. К 140-летию со дня рождения (биоисториографический контур) // Там же. - Вип. 9. - Брянск, 2007 ; Она же. Проблемы изучения интеллектуальной биографии А. В. Флоровского: К 125-летию со дня рождения // Там же. - Вип. 11. - Брянск, 2009 ; Она же. К вопросу о дисциплинарной истории историографии (на материалах Новороссийского университета) // Там же. - Вип. 12. - Брянск, 2010 ; Она же. Историческая русистика в Новороссийском университете // Воронцовский сборник : сб. науч. ст. - Вип. 5. - Одесса, 2012 и др.

Анализ дисциплинарного сообщества русистов (ДСР) в Новороссийском университете (как и любого иного) предполагает несколько стадий. На первой необходимо реконструировать персональную историю каждого из членов научного сообщества русистов.

Персональная история - это «история одной жизни» во всей ее уникальности и в достижимой полноте¹⁰⁶. Несмотря на различные методологические стратегии, характерные для современной историографической практики персональной истории¹⁰⁷, главным смысловым стержнем выступает «неповторимость судьбы» изучаемого персонажа.

Персональная история ученого-историка, на мой взгляд, состоит из двух основных взаимосвязанных биографических линий: биографии личности (личностной биографии) и биографии профессиональной (профессиональной биографии). Реконструкция этих линий в обязательном порядке предполагает обращение к социокультурному контексту, а также библиографический, наукометрический и историографический анализ научного наследия.

Вместе с акцентом на индивидуальное предложенный ниже блок характеристик для выяснения персональной истории ученых- русистов включает те общие позиции, которые будут способствовать проведению сравнительного анализа персональных историй всех членов ДСР.

Биографические:

- 1) общий абрис личностной биографии представителя ДСР;
- 2) общий абрис профессиональной биографии представителя ДСР; при этом делается акцент на вопросы: время его деятельности в Новороссийском университете; выпускником какого университета, представителем какой научной школы в границах специальности являлся; в каких университетах или иных структурах работал, помимо Новороссийского университета.

¹⁰⁶ Репина Л. Историческая биография и интеллектуальная история // Ейдос : альманах теорії та історії історичної науки. – Вип. 4. – Київ, 2009. – С. 441, 444.

¹⁰⁷ См.: Репина Л. П. «Персональная история» – биография как средство исторического познания // Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М., 2011. – С. 287–324 ; Попова Т. Н. Персональная история VS интеллектуальная биография VS биоисториография: подходы и понятия // Человек в истории и культуре. – Вып. 2: Мемориальный сборник материалов и исследований в память лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора Владимира Никифоровича Станко / отв. ред. А. А. Пригарин. – Одесса, 2012. – С. 540–563.

Профессионально-историографические:

- 1) учебная работа; курсы по исторической русистике в общей структуре учебной нагрузки;
- 2) репертуар научных исследований; место конкретно-дисциплинарных исследований в общей структуре научной работы;
- 3) какие публикации вышли в период работы в Новороссийском университете и т.п.;
- 4) категориальный профиль ученого;
- 5) научный статус в дисциплинарном сообществе (официальный статус и научная репутация).

Коммуникативные:

- 1) участие в работе археологических съездов и т.п. с дисциплинарной тематикой;
- 2) формы научно-организационной деятельности;
- 3) рецензии на работы коллег-русистов;
- 4) создание научной школы; научное наставничество;
- 5) членство и деятельность в научных обществах;
- 6) формы профессионального и личного общения (внутри ДСР в границах кафедры, факультета, университета, иных университетов и проч.; с представителями других научных сообществ, вне ДС).

Социокультурные:

- 1) формы общественно-политической деятельности;
- 2) участие в благотворительных и культурно-просветительских обществах и акциях;
- 3) публикации неакадемического характера;
- 4) общественный статус; репутация в различных социокультурных слоях и проч.;
- 5) эволюция индивидуальной судьбы в контексте социоситуативных трансформаций.

Разумеется, предложенная схема анализа персональной истории может иметь другую структуру, включать иные позиции в зависимости от исследовательской стратегии.

Вторая стадия предполагает коллективный - просопографический портрет ДСР. Основные акценты структуры просопографического анализа должны быть сделаны на возрастные, национальные, конфессиональные, схоларные, дидактические, концептуальные, теоретико-методологические,

коммуникативные параметры, а также семейный, академический (профессиональный) и социальный статус.

Сравнительный анализ персональных историй членов ДСР позволит смоделировать ДСР, учитывая его институциональные уровни: кафедральный, факультетский, университетский, региональный. Сравнение с аналогичными ДСР в других университетах даст картину типологических и специфических черт в общероссийском и региональном масштабах.

Предварительный синхронический анализ дисциплинарного сообщества в границах кафедры русской истории и историко-филологического факультета Новороссийского университета позволяет высветить определенную специфику ДСР.

Во-первых, состав ДСР был относительно стабильным и формировался из выпускников Новороссийского университета (А. И. Маркевич, А. В. Флоровский, Б. А. Белоогов, Е. А. Загоровский) и представителей иных университетских центров: М. П. Смирнов (Санкт-Петербург), Г. И. Перетяткович (Москва), И. А. Линниченко (Киев), Е. П. Трифилев (Харьков), П. А. Иванов (Киев), А. С. Грушевский (Киев). Некоторые из них проработали в Новороссийском университете большую часть своей жизни - М. П. Смирнов, Г. И. Перетяткович, А. И. Маркевич, И. А. Линниченко, Е. П. Трифилев. Более кратковременный период научно-педагогической деятельности в Новороссийском университете (в силу факторов различного порядка) был у А. В. Флоровского, П. А. Иванова, Б. А. Белоогова, А. С. Грушевского, Е. А. Загоровского. А. И. Маркевич и А. С. Грушевский вынуждены были уйти из университета «по собственному желанию», а фактически изгнаны в силу причин политического характера.

Во-вторых, по своим научным и мировоззренческим позициям это было достаточно неоднородное сообщество. М. П. Смирнов - ученик Н. Г. Устрялова, последний всю жизнь был приверженцем «теории официальной народности». Учеником М. П. Смирнова еще в Ришельевском лицее был Г. И. Перетяткович, который позже учился у С. М. Соловьева. Воспитанник Г. И. Перетятковича - Б. А. Белоогов. И. А. Линниченко, П. А. Иванов и А. С. Грушевский - из школы В. Б. Антоновича. Если последние два - с ярко выраженной «проукраинской ориентацией», то первый, несмотря на его украинские корни, - сторонник самодержавия, доктрины «единой и неделимой России». Ученики И. А. Линниченко - А. В. Флоровский (последователь той же линии) и Е. А. Загоровский (более лояльных позиций). Е. П. Трифилев учился у Д. И. Багаля и П. Н. Буцинского, был

либерально-просветительских взглядов, но сторонником «единой России». А. И. Маркевич, «малороссиянин» по паспорту, «украинофил» по взглядам, тем не менее так и не преодолел идею «общероссийской государственности».

В-третьих, дидактические и научные интересы практически всех представителей кафедрального ДСР не ограничивались русистикой - значительный пласт учебных курсов и исследований был посвящен проблемам украинистики и славяноведения. Например, А. И. Маркевич, кроме курсов по русской истории и историографии (общего и спецкурсов: «Русская историография», «Критико-библиографический очерк источников и пособий при изучении новейшей русской истории», «История царствования Императора Александра I», «Внутренний быт Русского Государства в XVII в.», «Внутренний быт Русского Государства в XVIII в.», «История первого Самозванца» и др.), читал курсы «Краткий очерк славянских народов», «Историческая география и этнография Южной Руси», а также первым в Новороссийском университете и вторым в Украине (после В. Б. Антоновича) прочитал серию специальных курсов по истории Южной и Западной Руси - собственно истории Украины. Значительный пласт его научного творчества также принадлежит сюжетам украинской истории, хотя главные исследования (по масштабу работ и по собственному восприятию) ориентированы на историю Российского централизованного государства. Диссертационные исследования и иные виды научных работ М. П. Смирнова, Г. И. Перетятковича, И. А. Линниченко, П. А. Иванова, А. С. Грушевского, Е. А. Загоровского были посвящены истории отдельных регионов Украины. В украинской историографии звучит мнение, что «областные исследования» связаны в первую очередь со «школой В. Б. Антоновича». Действительно, для «школы Антоновича» характерен «областный» подход: всем своим ученикам он давал темы, сфокусированные на исследовании конкретных регионов украинских земель. Тем не менее само понятие «областные исследования» несколько шире: история отдельных земель, или областные исследования, в общероссийской историографии последней трети XIX в. рассматриваются как «областное направление», истоки которого связывают с именем Е. Болховитина, а зарождение - с народнической историографией 1860-х гг. К этому направлению относят Н. И. Костомарова, Д. И. Иловайского, А. И. Никитского, Д. А. Корсакова, В. С. Борзаковского и др., в том числе - «школу Антоновича». Несколько иной акцент «украинской тематики» в работах Г. И. Перетятковича, который исследовал историю «малороссов»

в Поволжье в контексте колониционных процессов в Российской империи.

В-четвертых, среди ДСР нет фигур «первой величины». В соответствии с принятой в последнее время в исследовательской литературе научной метафорой «человек второго ряда» («человек второго плана», «историк второго плана») можно составить градацию значимости отдельных представителей ДСР в историографии в целом и в истории университетского образования.

Однако сложности с определением формулы «человек второго плана», с выявлением типологических черт «историка второго ряда», рассмотрение его как промежуточного звена между главными действующими лицами истории (историографии) и так называемого «статистами»¹⁰⁸ позволяют говорить об относительности данного понятия и значительном диапазоне «второго плана» («третьего, четвертого» и проч.).

Главный критерий этой градации - роль представителя ДСР в том деле, с которым он связан - профессиональной деятельностью университетского преподавателя. При этом нельзя забывать о двух уровнях темпоральной оценки - современниками и с позиций историографии сегодняшнего дня. Кроме того, «...опознание исторического персонажа как «человека второго плана» зависит от выбора угла зрения и того социокультурного контекста, в соответствии с которым осмысливается историческая роль данной конкретной личности»¹⁰⁹.

Среди кафедрального ДСР наиболее яркие фигуры - А. И. Маркевич и И. А. Линниченко. Масштаб научного наследия, научно-организационной и общественной деятельности, прижизненная достаточно высокая репутация в научном сообществе и т.п. позволяют рассматривать этих ученых в первых рядах украинской историографии и, безусловно, региональной. А. В. Флоровский для первого - одесского - периода своей творческой деятельности оставался в масштабах региональной историографии по сравнению с его учителем И. А.

Линниченко «фигурой второго плана», но итогом его научно-педагогической работы в последующий период - эмиграции - была уже европейская известность. Можно допустить, что «третьему плану» и проч. будут соответствовать фигуры П. А. Иванова, Б. А. Беглова. Недостаточная изученность персональных историй всех представителей региональной историографии, включая ДСР, не позволяет пока что создать даже условную (впрочем, в любом случае - условную) градационную схему.

В-пятых, некоторые представители кафедры всеобщей истории занимались проблемами русской истории: А. Г. Брикнер, Е. Н. Щепкин, П. М. Бицилли и др. Следование «жесткому» критерию для определения ДСР - по специализированной профессиональной подготовке (образованию) - не вполне подходит для университетской системы XIX в.: до 1850 г. в российских университетах не было историко-филологических факультетов, а отделения «исторических наук» и специализации по кафедрам появились, соответственно, в конце 1860-х гг. и в начале XX в. Многие из историков получали образование в зарубежных университетах (А. Г. Брикнер и др.), впитывая специфику их традиций.

Поэтому на втором институциональном уровне — факультетском, третьем - университетском и четвертом - региональном можно включать в ДСР лиц, в научное наследие которых входят исследования по русской истории. При таком подходе дисциплинарное сообщество предстает как сложноструктурированное образование, включающее так называемое «ядро», «чистых русистов» например, и «периферию», которая, в свою очередь, состоит из разных по удаленности от «ядра» сфер. Каждая из этих сфер соотносится с теми историками, чьи исследовательские интересы шире ареала «титупной профессии».

Дисциплинарное сообщество русистов - первая, но не единственная характеристика процесса дисциплинизации, изучение которого требует комплексно-параметрического подхода.

¹⁰⁸ См.: Мининков Н. А. Человек второго ряда как исследовательская проблема // Человек второго плана в истории. – Вып. 1. – Ростов н/Д, 2004. – С. 7.

¹⁰⁹ Корневский А. В. Три Тойнби // Человек второго плана в истории. – Вып. 4. – Ростов н/Д, 2007. – С. 84.